

Когда Се Цзиньхуань очнулся, было уже утро следующего дня.

Его разбудила тупая ноющая боль.

Сначала из левой ноги пришла тяжёлая, острая боль, а следом нахлынули жгучая сухость в горле и разлитая по всему телу ноющая слабость.

Он с трудом разлепил веки. Взгляду предстали низкие потолочные балки, сухие, пошедшие трещинами земляные стены и ветхое окно, сквозь которое сочился утренний свет.

Воздух был густо пропитан запахом лекарственных трав.

Где это он?

Память оборвалась на том пустынном казённом тракте. Отчаяние и острейшая боль поглотили сознание Се Цзиньхуаня; всё это время он пробыл в лихорадочном забытии и совершенно не помнил того, что случилось позже.

Чужая обстановка вселила в него тревогу. Он инстинктивно попытался приподняться, чтобы осмотреться, но потревожил больную ногу, и её тут же пронзила резкая боль.

Впрочем, по сравнению с тем, что было прежде, боль стала несравнимо слабее. С усилием он подтянулся и, подложив под спину подушку, сел, опираясь на спинку кровати.

Когда он это проделал, на лбу у него проступила испарина.

Вскоре за дверью раздались шаги.

Се Цзиньхуань напряжённо вскинул глаза и увидел, как в комнату вошла женщина лет сорока. Заметив, что он очнулся, она посмотрела на него с изумлением и радостным удивлением.

— Наконец-то очнулся.

Женщина приблизилась к кровати и протянула руку, чтобы пощупать его лоб.

Се Цзиньхуань инстинктивно отпрянул назад.

Рука Шэнь Сюмэй застыла в воздухе. «Надо же, — подумала она, — какой пугливый да стеснительный этот маленький гэр».

Она не обиделась, непринуждённо отдернула руку, и на лице её сохранилась прежняя добрая улыбка:

— Не бойся, тётушка только хотела проверить, спал ли жар. Но, глядя на тебя, думаю, всё уже в порядке, большой беды нет.

Говоря, она исподтишка разглядывала Се Цзиньхуаня.

Вчера он был весь в грязи, и она толком ничего не разглядела. Теперь же, чисто умытый, да ещё с открытыми глазами, он слишком уж бросался в глаза.

Кожа — белая и нежная, будто никогда и солнца не видела, совсем не чета их деревенским. Уж не гэр ли он из обедневшей богатой семьи, с которым приключилось несчастье?

Се Цзиньхуань смотрел на эту просто одетую, но опрятную и расторопную женщину, приоткрыл рот и спросил сиплым голосом:

— Тётушка, где... где это я?

Шэнь Сюмэй, расслышав его севший голос, подошла к столу, налила плошку тёплой воды и протянула ему.

— Да ты молчи уж! Сперва водички выпей, горло промочи.

Горло у Се Цзиньхуаня и впрямь саднило немилосердно. Он принял из её рук глиняную плошку, проговорил: «Благодарю, тётушка», — и, взяв в ладони, принялся пить мелкими глотками.

Шэнь Сюмэй придвинула стул и села, отвечая на его прежний вопрос:

— Место здесь — деревня Сюй. Мой муж носит фамилию Сюй. Несколько дней назад как двое моих сыновей на обратном пути из уезда повстречали тебя. Ты лежал на обочине без сил, нога была сильно изранена, да и сам горел в жару и бредил. Они и отвезли тебя в лечебницу показать лекарю. Жаль только, что ты всё время лежал без сознания, и где твой дом они не смогли узнать. Не бросать же тебя там одного, вот и взяли на себя смелость привезти к нам.

Тёплая вода омыла пересохшее горло, и мысли в голове у Се Цзиньхуаня немного прояснились. Он скользнул взглядом по своей натуго перебинтованной левой ноге: было видно, что обработку делал знающий человек.

Сыновья этой тётушки оказались поистине великодушными людьми: не только подобрали его у дороги, но и вылечили ему ногу.

В сердце Се Цзиньхуаня вдруг всколыхнулось тёплое, щемящее чувство благодарности. Родной отец норовил столкнуть его в пропасть, а совершенно чужие незнакомцы согласились спасти

его в час смертельной опасности.

Голос его сорвался от подступивших слёз:

— Спасибо вам, тётушка. Спасибо старшему брату Сюю.

Шэнь Сюмэй поставила плошку. Видя, какой он кроткий да покладистый, она наконец не сдержала зуд в руках, протянула ладонь и погладила его по голове. На сей раз Се Цзиньхуань не уклонился.

Заметив это, Шэнь Сюмэй обрадовалась, и голос её сам собой сделался ещё мягче:

— Лекарь сказал: косточку на лодыжке вправили, но повреждения мышц и сухожилий так быстро не заживают. Нужно как минимум полмесяца полного покоя. Так что это время поживёшь пока у нас.

Никто, кроме матери Юй Цинъюэ, ещё не относился к Се Цзиньхуаню с подобной добротой. Слуги же в поместье, пользуясь поддержкой второй госпожи, только и делали, что обижали его да помыкали им.

Его узелок по дороге отняли какие-то бродяги и нищие. Теперь он остался совсем без гроша и не представлял, как сможет отплатить за эту милость.

На мгновение в носу у него защипало:

— Спасибо, тётушка. Вы — великодушный человек, спасибо вам...

Шэнь Сюмэй, видя его покрасневшие глаза и то, что он вот-вот расплачется, снова смягчилась сердцем. Она переменяла тему:

— Проголодался, наверно? Я сварила бульон на косточке. Сейчас принесу тебе мисочку горяченького.

Се Цзиньхуань заметил, что женщина собирается выйти, и торопливо окликнул:

— Тётушка!

Он почти не общался с людьми за пределами дома и мало что понимал в житейских делах. Знал лишь, что человеческие отношения непросты и беспричинная помощь непременно строится на расчёте.

Взять хотя бы слуг в семье Се: чтобы выслужиться перед второй госпожой, они без всякого повода обижали его.

А эта тётушка сейчас помогает ему тоже без всякой причины...

— У... у меня нет денег...

Се Цзиньхуань не договорил, сгорая со стыда. Пальцы его неосознанно вцепились в колючее домотканое покрывало.

Шэнь Сюмэй замерла на шагу и обернулась к нему.

— Глупый ты ребёнок, к чему эти слова? Неужто кто-то из нас польстился на твои вещи? Живи спокойно, первым делом поправляй здоровье, а об остальном после поговорим.

Голос её звучал твёрдо, с той решительностью, что дарит покой.

Глаза Се Цзиньхуаня мгновенно заволокло горячей влагой, а горло сжал спазм.

Едва Шэнь Сюмэй вышла за дверь, как наткнулась на старшего сына Сюй Яня, который как раз собирался войти с плоской густого чёрного отвара.

— Мама, он проснулся? — Сюй Янь старательно понизил голос до шёпота.

— Проснулся, только что попил водички. Выглядит бодро, но сильно напуган и мысли у него тяжёлые.

Шэнь Сюмэй забрала у него из рук плоску с лекарством.

— Отвар дай-ка мне. А ты принеси ему миску костного бульона. Кстати, где твой отец?

— Уехал в соседнюю деревню за свиньями, — ответил Сюй Янь, но взгляд его уже скользнул внутрь комнаты.

Маленький гэр уже пришёл в себя и, опершись на спинку кровати, рассеянно разглядывал свою раненую ногу. Как раз под этим углом ему открывался вид на белоснежную, изящно изогнутую шею.

Будто уловив исходящее от двери внимание, маленький гэр поднял глаза. Его прекрасные, словно лепестки персика, глаза подёрнулись влажным туманом, уголки глаз покраснели. Застывшим, отсутствующим взглядом он уставился прямо на Сюй Яня.

Сюй Янь же вдруг почувствовал, как что-то с силой ударило его прямо в грудь, и он невольно затаил дыхание.

Это лицо ему доводилось видеть уже много раз, но Се Цзиньхуаня с открытыми глазами он увидел впервые.

Чувство было неописуемым.

Он человек простой и грубый. Перебрав в уме все слова, он под конец смог выдать лишь одно: красивый.

Не той броской, пёстрой красотой, а... чистотой, от которой режет глаза.

— Яньэр? — Шэнь Сюмэй странно посмотрела на сына, заметив, что он застыл, уставясь в комнату, и лицо его приняло необычное выражение. Она подняла бровь.

И с усмешкой поддела:

— Чего это ты там высматриваешь, с таким-то усердием?

Сюй Янь резко очнулся, будто обжёгшись, и торопливо отвёл глаза. Кадык его дёрнулся вверх-вниз, а голос прозвучал сдавленно:

— Да так, ничего...

Задерживаться он больше не стал. Резко развернулся и ушёл.

Шэнь Сюмэй тихонько хмыкнула и с отваром вошла в комнату. Она вложила плошку в ладони Се Цзиньхуаня:

— Давай, выпей снадобье, тогда и сил наберёшься быстрее.

Се Цзиньхуань взял плошку в руки. Стенки её были ровно той температуры, что надо. Горький запах трав так и шибал в нос.

Он уже приготовился одним духом осушить её, как вдруг снова раздались шаги.

Се Цзиньхуань вздрогнул. Поднял глаза и увидел человека, стоявшего в трёх шагах от кровати.

Тот был очень высок, с широкими плечами; от всей его фигуры веяло невероятной, давящей силой, от которой Се Цзиньхуаню безотчётно стало не по себе. Он невольно стиснул в пальцах плошку с отваром.

«Это, должно быть, и есть мой спаситель, старший брат Сюй?»

Превозмогая гнетущее чувство, он поднял взгляд. У мужчины было лицо с резкими, твёрдыми чертами, кожа здорового пшеничного оттенка, прямой нос и плотно сжатые тонкие губы. Наружность его можно было назвать привлекательной и мужественной.

Но больше всего в глаза бросались эти глаза — глубокие, спокойные, точно бездонный пруд, не тронутый осенней рябью. И сейчас эти глаза были устремлены прямо на него.

Се Цзиньхуань занервничал под этим взглядом, поспешно опустил голову, не смея смотреть дольше. Тонкие пальцы его судорожно теребили плоску с отваром. Еле слышно он проговорил:

— Благодарю старшего брата Сюя за спасение моей жизни.

Голос его всё ещё был сиплым и не слишком приятным на слух. Сюй Янь не придавал этому значения и коротко ответил:

— Не за что.

Шэнь Сюмэй, видя, что маленький гэр всё медлит с лекарством, напомнила:

— Сперва выпей отвар, а то остынет.

Се Цзиньхуань очнулся от ступора. Затаив дыхание, он одним духом опрокинул лекарство в рот. Густая горечь взрывом разлилась во рту, да так, что всё его лицо сморщилось, а желудок перевернуло.

Но он перетерпел и не дал себе выплюнуть.

«Моё тело должно поправиться как можно скорее. Нельзя так без конца обременять этих людей».

<http://bllate.org/book/19685/1949378>